

ГЛАВА 3. КРОВАВАЯ ЖАТВА В КУЗНИЦЕ

Не успел Те Гоу скрыться за порогом, как старик-кузнец резко нахмурился.

— Не к добру это, — пробормотал он. — Боюсь, к нам пожаловали вовсе не разбойники.

Те Сюань, который только что вздохнул с облегчением, вновь напрягся. Если сотни коней несутся по округе, земля под ногами неизбежно начнет дрожать, но почему мастер Те так уверен, что это не обычные конокрады?

— Что? — мужчины, оставшиеся в кузнице, заволновались. Послышался встревоженный гул: каждый пытался угадать, чей топот доносится издалека.

— Пропади всё пропадом! Мой Гоуцзы всё еще играет за околицей! — один из кузнецов средних лет хлопнул себя по бедрам и, не выпуская из рук тяжелого молота, рванулся к выходу. Остальные даже не успели его перехватить.

Старик хотел было что-то сказать, но в этот миг издалека донесся яростный рев Те Гоу, а вслед за ним — истощный, леденящий душу крик. Судя по звукам, гибли сразу несколько человек.

В кузнице началось столпотворение. Люди метались, наступая друг другу на ноги, толкаясь и пытаясь разом втиснуться в узкий дверной проем.

— А ну, тихо! — гаркнул старик.

Видя, что толпа не унимается, он швырнул щербатую пиалу, из которой только что пил. Глиняная чаша не разлетелась вдребезги, а с глухим стуком вонзилась в деревянный косяк, уйдя глубоко в толщу дерева. Те, кто был у двери, застыли как вкопанные, испуганно глядя на это маленькое чудо.

Когда в помещении воцарилась тишина, старик повернулся к ученику:

— Те Сюань, бери семицветные стальные блоки и живо в подпол. Что бы ни случилось, какой бы шум ни услышал — не смей носа высовывать. Там есть еда, тебе хватит на первое время.

— Мастер... — голос Те Сюаня дрогнул. Сердце его обливалось кровью, но он понимал, что сейчас не время для споров. Стиснув зубы, он начал лихорадочно заворачивать драгоценные заготовки в кожаный мешок. — А как же остальные материалы?

Старик схватил его за плечо и с силой подтолкнул к выходу:

— Найти другое железо трудно, но возможно. А эти блоки — сокровище, за которое и десяти тысяч золотых мало... Слушай внимательно: я оставил в тайнике записи о том, как ковать Семицветный клинок, и письмо. Когда выберешься — сначала прочти его, а потом уже решай, как быть дальше...

Те Сюань прижал к груди тяжелую сталь. Его тащили к выходу, а недоброе предчувствие ледяным узлом стягивало нутро.

— Мастер, не бросайте меня! Позвольте мне остаться с вами, позвольте помочь!

Старик посмотрел на него странным, горьким взглядом.

— А-Сюань, пока еда не кончится — не выходи. Помни об этом! — он резко взмахнул рукой.

Прежде чем юноша успел что-то возразить, один из старших мастеров, повинувшись безмолвному приказу, точным ударом лишил его чувств и унес в темноту лаза.

— Великий мастер... — теперь, когда суэта улеглась, в кузнице остались лишь те, в чьих жилах текла кровь людей Луса. Один из старейшин, знавший тайну, выступил вперед. — Неужели те предатели из прошлого всё же выследили нас?

Старик закрыл глаза, прислушиваясь. Вокруг кузницы еще было тихо, но вопли и суматоха, охватившие деревню, говорили сами за себя.

— Похоже, так и есть, — он горько усмехнулся и медленно открыл глаза. — Семицветный клинок — наша святыня, но он же стал и нашим проклятием.

Люди вокруг побледнели, в их глазах отразился смертный ужас. Взгляд мастера Те затуманился, он словно постарел на глазах.

— Кроме того святого мудреца, что создал первый клинок, лишь три сотни лет назад нашелся умелец, сумевший выковать второй. Увы, оба клинка канули в небытие. Но эти подонки не отступят. Они ищут то, чего у нас нет. Что ж... если мы оборвем последнюю нить, их надежды прахом пойдут.

— Надеюсь, Те Сюань сможет выковать его, — с яростью и скорбью произнес старейшина. — Пусть исполнит то, что не успели мы.

Молодые подмастерья, которым только недавно открыли правду о старой вражде, задрожали. Услышав, что старик готовит их к смерти, они в панике закричали:

— Великий мастер, мы не хотим умирать! Мы не хотим!

Топот копыт приближался. Несчастные юнцы рыдали, теряя рассудок от страха. Старик посмотрел на них, и в его душе шевельнулась жалость. Он тяжело вздохнул, сжав кулаки.

— Уходите. Бегите, кто куда сможет. Но заклинаю вас: если попадетесь, не выдавайте Те Сюаня. Среди нашего поколения нет никого талантливее него. Если кому и суждено возродить Семицветный клинок, то только ему. Скажите врагам, что ничего не знаете о прошлом... быть может, они проявят милосердие.

— Спасибо, Великий мастер!

Ученики, обезумев от радости, бросились врассыпную, позабыв даже о родных, оставшихся в кузнице. Вскоре в помещении остались лишь несколько стариков. Мастер Те смотрел им вслед с невыразимой печалью. Искра жизни в его глазах окончательно угасла. Оставшиеся мастера беззвучно плакали — то ли оплакивая разлуку с близкими, то ли прощаясь с жизнью.

Предчувствия их не обманули. Не успели подмастерья скрыться, как снаружи раздались новые крики боли. В кузнице воцарилась тишина, наполненная ненавистью и отчаянием.

— Небо решило истребить наш род, — прошептал старик. — Что ж, против воли Небес не пойдешь...

Топот копыт стих так внезапно, словно всадники растворились в воздухе. Но мгновение спустя до слуха стариков донесся шум множества шагов. Неизвестные окружали кузницу.

Когда кольцо окончательно замкнулось, один из нападавших осторожно прошел вперед, остановившись в десяти шагах от двери.

— Старый черт Те! — выкрикнул он. — Перед тобой прямые потомки народа Ва! Выходи и падай ниц, если хочешь сохранить жизнь!

Старик гневно сверкнул глазами, но промолчал. Была правда, которую он не открыл Те Сюаню: те, кто гнал их все эти годы, тоже были их соплеменниками. Одной крови, но черной души.

Старейшины обменялись взглядами и низко поклонились мастеру Те. Затем они медленно направились к горну. Последний из них рывком сорвал с груди кожаный фартук и с голым торсом взялся за рукоять мехов.

— Старый друг, — рассмеялся он, глядя на печь. — Сколько лет я не касался тебя по-

настоящему!

Остальные смотрели на взметнувшееся пламя с благоговейным трепетом. Самый старший из них выпрямился и во всю мощь легких прокричал:

— СЮН ДАО! ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ КЛИНКУ!

Крик был таким долгим и яростным, что казалось, он пронзает века. Жилы на шее мужчины вздулись, лицо побагровело. Этот клич, подобный священному песнопению, заглушил даже рев мехов. Нападавшие снаружи, пораженные этой силой, замерли в нерешительности.

В этот момент Те Сюань пришел в себя. Мастер, ударивший его, действовал точно, но парень скорее лишился чувств от потрясения, чем от самого удара.

Тайник находился прямо под кузницей, но вход в него был снаружи, в укромном месте. Здесь не хранили съестное — только тяжелые заготовки для ковки, бесполезные для обывателя, поэтому многие в деревне знали об этом месте. В подполе была хитрая система вентиляции, но не было дверей.

Услышав призыв к жертвоприношению, Те Сюань мгновенно бросился к лазу, но в ужасе замер. Там, где раньше был свободный проход, теперь высилась монолитная плита — Каменный затвор. Как он ни бился, как ни толкал камень плечом — плита не сдвинулась ни на цунь.

Юноша в ярости колотил по камню кулаками, хотел закричать, но в последний миг до боли прикусил костяшки пальцев. Боль в руке была ничем по сравнению с той агонией, что разрывала его изнутри. Глаза покраснели, слезы катились градом, из горла вырывался глухой стон, который он заставлял себя глотать.

Он боялся повредить суставы — ведь кузнецу нужны целые руки, — поэтому, когда кожа на одном пальце лопалась, он начинал кусать другой. Губы его окрасились кровью, всё тело сотрясала дрожь, а по подземелью разносился едва слышный, надрывный шепот:

— Мастер...

Тем временем в кузнице старейшина закончил свой крик и, не колеблясь ни секунды, шагнул прямо в бушующее пламя горна.

Огонь словно узнал своего жертвователя — языки пламени мгновенно окутали тело кузнеца. Послышалось шипение, но оставшиеся старики лишь зажмурились, глотая слезы. Один за другим, повинувшись древнему обряду, верные соратники мастера Те уходили в огонь, оглашая кузницу предсмертными воплями, от которых старик едва не ломал собственные пальцы.

Люди в черном почували неладное. Зачинщик бросился назад, к человеку в белых одеждах, сидевшему за наспех сколоченным столом.

Этот человек был изысканно, почти женственно красив: тонкие брови, узкие глаза, прямой нос и алые губы. В женском облике такая красота казалась бы величественной, в мужском же — внушала трепет и скрытую угрозу. Он сидел, опустив взгляд, и неторопливо подносил к губам чашку чая. Рядом замерли бесстрастные телохранители. Вся его фигура излучала ледяное спокойствие, словно он был не на месте бойни, а на мирной прогулке.

— Молодой господин Цинь, эти старые хрычи затеяли жертвоприношение клинку...

Цинь Вань резко вскинул голову. Взгляд его, острый как стрела, впился в докладывающего, и яростный блеск в глазах заставил того замолчать на полуслове. Молодой господин Цинь небрежным жестом отбросил чашку на стол. Та покатилась и, упав на землю, разлетелась на осколки. По дереву поползло желтое пятно чая, оставив на столешнице лишь несколько чаинок.

Когда люди Цинь Ваня выбили двери кузницы, они увидели лишь, как последний старик прыгает в горн. Пламя, словно повинувшись неведомой силе, взметнулось до самых балок. Под дикие проклятия мастера Те крыша кузницы с грохотом обвалилась, заставив нападавших в ужасе отпрянуть. Огонь мгновенно охватил всё здание, превращая его в погребальный костер.

Цинь Вань успел приказать вынести лишь несколько деревянных ящичков, когда балки окончательно рухнули, погребая под собой тех его слуг, что не успели выскочить. Пламя бушевало, окрашивая небо в багровые тона, словно желая выжечь все грехи этого мира.

— Молодой господин Цинь... — робко позвал один из подчиненных, видя, как побледнел его лидер.

Цинь Вань медленно повернул голову. Одного этого холодного взгляда хватило, чтобы у нападавшего подкосились ноги.

— Ничтожества... — молодой господин Цинь презрительно усмехнулся. Голос его, подобный журчанию чистого ручья, звучал бы мелодично, если бы не сквозившее в нем высокомерие. — Выкладывай, что там у тебя.

— Есть! — человек в черном сглотнул, пряча гнев за маской покорности. — Мы поймали одного, похоже, он из тех, кто в курсе тайн. Упрямый, правда...

Цинь Вань прищурился, и в этом взгляде было нечто такое, от чего невозможно было отвернуться.

— Любопытно. Посмотрим, что крепче: его язык или мои палки.

Не оборачиваясь, он направился прочь, а его люди, утирая холодный пот, поспешили следом.

<http://bllate.org/book/17419/1648547>